

Народная экологическая этика юкагиров в историко-культурной традиции второй половины XIX – первой четверти XXI в.

Владимир Викторович Подмаскин
Институт истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН,
Владивосток, Россия, podmaskin@yandex.ru

Аннотация. В статье рассматриваются взаимоотношения юкагиров со средой обитания в условиях Арктики. Выявляется система духовно-ценностных установок для ведения промыслового хозяйства, определяется вклад этноса в дело охраны природы, освещается комплекс превентивных традиционно сложившихся мер, примет, запретов, сезонно-хозяйственного календаря в освоении территории природопользования. Исследование показало, что на основе доминирующих рациональных начал народной экологической этики была создана оригинальная система жизнеобеспечения, направленная на развитие адапционно-адаптирующей деятельности человека в условиях Арктики. Поэтому становится актуальным для разрабатываемой проблематики положение, связанное с пониманием традиционной культуры как формы биосоциальной адаптации популяции к окружающей среде.

Ключевые слова: юкагиры, культ природы, запреты, приметы, сезонно-хозяйственный календарь, адаптация, Северо-Восток России, вторая половина XIX – первая четверть XXI в.

Для цитирования: Подмаскин В. В. Народная экологическая этика юкагиров в историко-культурной традиции второй половины XIX – первой четверти XXI в. // Ойкумена. Регионоведческие исследования. 2023. № 4. С. 111–118. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/111-118>

Original article
<https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/111-118>

Folk ecological ethics of the Yukagirs in the historical and cultural traditions of the second half of the XIX – the first quarter of the XXI century

Vladimir Viktorovich Podmaskin
Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East,
Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences,
Vladivostok, Russia, podmaskin@yandex.ru

Abstract: The article deals with the relationship of the Yukagirs with the environment in the Arctic. A system of spiritual and value attitudes for the management of the commercial economy is manifested, the contribution of the ethnic group to the cause of nature protection is determined, a complex of traditionally established preventive measures, signs, prohibitions, and the seasonal economic calendar in the development of the territory of nature management are consecrated. The study showed that on the basis of the dominant rational principles of folk environmental ethics, an original life support system was created, aimed at the development of adaptive human activity in the Arctic. Therefore, the position associated with the understanding of traditional culture as a form of biosocial adaptation of a population to the environment becomes relevant for the issues being developed.

Key words: Yukagirs, cult of nature, prohibitions, omens, seasonal economic calendar, adaptation, North-East of Russia, second half of the 19th – first quarter of the 21st century

For citation: Podmaskin V. V. Folk ecological ethics of the Yukagirs in the historical and cultural traditions of the second half of the XIX – the first quarter of the XXI century // Ojkumena. Regional researches. 2023. No. 4. P. 111–118. <https://doi.org/10.24866/1998-6785/2023-4/111-118>

Введение

Юкагиры живут в Якутии и Магаданской области. Они делятся на две группы. Раньше одна из них кочевала в тундре, преимущественно в районе рек Алазеи и Чукочьей, другая осела южнее, по рекам Ясачной и Коркодо-ну притокам рек Колымы. Тундровые юкагиры занимались оленеводством, охотой и рыболовством. Колымские юкагиры оленей не имели и занимались только охотой и рыболовством. Тундровые юкагиры называли себя *вадул* колымские – *одул*. Численность юкагиров – более 1000 чел. Юкагирский язык – бесписьменный. Многие грамматические и лексические элементы являются в этом языке общими с уральскими и алтайскими языками [7, с. 227]. Вероятно, юкагиры пришли на Крайний Север с юга, вернее всего, со стороны Саяно-Алтайского нагорья. По данным И.С. Гурвича, в конце XIX в. юкагиры представляли собой ряд обособленных групп, каждая из которых являлась сложным этническим образованием, состоявшим из потомков юкагиров, сме-

шавшихся с эвенками, эвенами, русскими старожилами и якутами [1, с. 81]. Территорией жизнедеятельности юкагиров в настоящее время является Колымский район Якутии – низовья и среднее течение реки Колымы, где они постоянно проживают и сохраняют свои традиционные занятия и культуру [12, с. 77].

В основу разработки проблемы легла концепция хозяйственно-культурного типа (ХКТ) и связанная с ней концепция историко-этнографических областей (ИЭО). Под хозяйственно-культурным типом понимается хозяйственно-культурный комплекс этноса, исторически сложившийся под воздействием географической среды обитания. В отличие от хозяйственно-культурных типов историко-этнографические области характеризуют не этносы, а территории, население которых в силу общности исторической судьбы, тесных культурных связей приобретает общие черты материальной и духовной культуры.

Важным компонентом, характеризующим ХКТ юкагиров, являлась охота на копытных животных. Диких оленей летом преследовали верхом на домашнем олене, зимой на нартах. На лосей охотились гоним по насту. У тундровых юкагиров широкое распространение имели загонная охота на оленей с собаками, поколки на речных переправах, охота с оленем-манщиком. Зимой в тундре добывали песца, в таёжной зоне – соболя, белку, лисицу. Практически вся добытая пушнина шла на продажу. Весной и осенью охотились на гусей и уток [13, с. 56–59].

Проблема выбора критериев для оценки конечных результатов жизнеобеспечения или успешности адаптации юкагиров к среде обитания не подвергалась до настоящего времени специальному рассмотрению. Поэтому в статье ставится цель – наметить основные варианты разработки таких критериев.

Научная новизна темы заключается в том, что в этнологии юкагиров впервые ставятся вопросы народной экологической этики в свете систематизированного видения. В данной работе предпринята попытка специального изучения традиционной этики юкагиров в этнографическом аспекте на основе народного календаря.

* * *

В систему превентивных и профилактических особенностей экологического опыта охотников тундры входили обычаи и навыки поведенческого характера, историю которого, вероятно, можно начать с животного мира, а также наблюдения человеком природных явлений [8, с. 206; 14, с. 268]. В юкагирской картине мира "родная земля" представлялась покрытой сетью коммуникационных и информационных каналов – следов дорог представителей животного мира, человека, нематериальных объектов [3, с. 86].

То, что не поддавалось логическому объяснению, приобретало мифологический характер. Например, согласно поверьям юкагиров, озёра – это места лёжки мамонтов *турхукэнни*, равно как реки – следы их троп. Согласно юкагирским преданиям, когда-то юкагиров было так много, что их костры освещали всю тундру. От того времени на небе остался отсвет юкагирских огней – "северное сияние" [11, с. 13]. Небо юкагиры обозначали в виде радуги или гигантского конического жилища *нумэ*, где облака – это покрывшки чума, а звёзды – дыры в нём, пробитые когтями куропатки-самца [2, с. 123].

Юкагирские представления о мире довольно расплывчаты. Творцом и Верховным существом являлся Пон (на тундровом диалекте Шукун), что значит "Нечто абстрактное". Это творящая, но не персонифицированная первопричина управляла явлениями природы и не вмешивалась в дела людей. В мифологии народа нет упоминания о молитвах и жертвоприношениях Пону [2, с. 115].

Сохранялось представление о том, что всё живое имеет своего духа-хозяйина. Особым почитанием пользовался дух-хозяйин рек Ориенпогиль. Во время весеннего половодья и осенью, когда по реке шла пуга, рыбаки дарили ему бисер и просили: "Матушка-река, неси нас хорошо" [13, с. 51]. Сохранились этнические представления о невидимых антропоморфных сверхъестественных "хозяевах мест" – Пэдьюль, обитающих в той или иной части природы или объекте. Они требовали от людей соблюдения обычаев и обрядов, осуществляли контроль над различными видами животных. Пэдьюль – "покровители и защитник животных", с одной стороны, дают согласие на отстрел животного

под их контролем, с другой – заботятся о том, чтобы охотники, обычно это мужчины, не убивали зверей напрасно, без необходимости [5, с. 216–219].

Чтобы не вызвать гнева Пэдьуль, юкагиры должны были добывать животных столько, сколько им требовалось для поддержания жизни. Эти правила приемлемы к охотничьим законам, способствующим охране дичи от браконьеров. Так, считается грехом убивать целое стадо оленей, не оставляя нескольких животных для воспроизводства.

Превыше всего пешие охотники почитали солнце *пузу* как главного покровителя и источника жизни на земле [10, с. 43]. Солнце-глаз – оберег от злых духов и болезней. По данным Л.Н. Жуковой: "Солнечной символикой "согрета" вся одежда лесных юкагириров-охотников, и это естественно, если учитывать низкие зимние температуры горно-таёжных континентальных областей Северо-Восточной Азии и первостепенную значимость не только пищи, но и тепла (одежды, жилища)" [4, с. 128]. Радуга у юкагириров *пугуд-онораа* – "язык солнца". В древности, очевидно, луна также считалась божеством. Прежнее название луны было *эмим-пузу*, т. е. "ночное солнце". Полная луна по-юкагириски звучит *начэ-киндьэ* – "луна-лицо" [5, с. 211].

К числу важнейших сил природы юкагиры относили огонь. Духа огня благодарили, в огонь бросали разную еду. У колымских юкагириров Отец-Огонь – Мэмдъэйэ-Эчиэ. Слово *мэмдъэйэ* означает "пламя". Неслучайно у этноса красный цвет огня – основа "земли" и "очага". Полярное сияние *поиньанулкон* – "свет", испускаемый Отцом-Огнём, когда он открывает Небо. Кудьбу – "Небо" (благодетельное божество, снабжающее людей пищей) [5, с. 207]. Огонь как абстрактный дух или конкретный персонифицированный образ предписывал соответствующее обращение с ним: огонь нельзя ругать, колоть, топтать, мочиться и плевать в него. Нарушения запретов будут иметь негативные последствия для человека: "предписываются осторожность, почитательность, наказуема забывчивость и невнимательность к огню" [2, с. 132].

Не меньше, чем от огня, зависели юкагиры от воды. Во время ледохода юкагирики Верхней Колымы дарили "детям хозяина реки" бисер и просили у него избыточной пищи. Каждый юкагир, подходя к водоёму, задабривал духа-хозяина вод подарком [11, с. 108]. Охотники и рыболовы особо отметили жизненную силу талой воды из снега, придав ей сакральное значение [10, с. 35].

Значительное место в жизни этноса занимал культ промысловых животных. Они наделяли животных человеческим разумом и полагали, что те могут их понимать. Арктические аборигены почитали не только оленей и лосей, но в равной степени все объекты промысла. Диких оленей, лосей, медведей, волков, крупных птиц охотники называли иносказательно. О своей добыче промысловик говорил только мужчинам и использовал в повествовании особые слова [13, с. 78; 6, с. 64–65]. Нельзя говорить о добыче. Образные замены прямых названий были вызваны стремление скрыть от животных намерения охотников, так как, по убеждению людей с анимистическим мировоззрением, которое свойственно юкагирам, животные понимают человеческую речь. Характерно, что подставных слов для рыб у тундровых юкагириров нет. Это говорит о том, что раньше они были исконными пешими охотниками на диких оленей, но не рыболовами.

Юкагиры не только почитали промысловых животных, но и относились к ним, как к людям. Черепа, трубчатые кости и копыта диких оленей перед откочёвкой на новое стойбище собирали и засыпали землёй, рога клали на землю, направив в сторону востока. Среди народа было распространено гадание по верхней лопатке оленя. Запрещено употреблять в пищу мозговые кости и головы оленя. Черепа уток и зайцев также оберегали от осквернения. Следили, чтобы они не попадали под ноги, не давали их собакам. Обычно черепа уток и зайцев бросали в огонь или топили в воде [13, с. 52].

Добытый олень использовался в хозяйстве полностью – в дело шли мясо, шкура, кости, рога, а также подшейный волос диких оленей-самцов *онттиэ*, его срезали, красили и обшивали им передники, шапки, одежду [6, с. 73].

В число животных, на которых распространялся промысловый культ, входил лось. Снимать шкуру с лося разрешалось только мужчинам, а женщинам запрещалось даже смотреть на убитого лося. Глаза лося вырезали и придавали Земле [9, с. 240]. В фольклоре известен образ шестиногого Хозя-

ина лося. У него просили храбрости (сердце и храбрость синонимичны) и еды – охотничьей добычи [2, с. 146].

Жертвенными животными, по данным юкагирского фольклора, были собаки. Обращать собаку шкуру считалось греховным. На первые закаты солнца, на первые туманы, на луну зимой и на сполохи собаки воют. При уходе солнца с горизонта собаки ложатся носами к востоку. В пургу они спят, занесённые снегом.

На волков не охотились, они – сородичи и санитары тундры. В юкагирском фольклоре сохранились представления, что медведи не нападают на людей, они, напротив, являются советниками, учителями и спасителями человека. Род Корэла, по представлениям юкагиров, произошёл от сожительства женщины с медведем. Нос и когти медведя охотники хранили как амулет, обеспечивающий в дальнейшем удачу в промысле.

Рыбные места, как и места переправы оленей, относятся к священным. У священных скал совершались магические обряды, посвящённые размножению животных и растений, удаче в охоте, рыбной ловле [13, с. 125]. Лов сам по себе обставлен строгими "табу", нарушение которых грозит, по мнению юкагиров, роковыми последствиями, – может сказаться на всём ходе зимних промыслов и охоты (**Полевые материалы автора, 2021 г., Магаданская область, с. Нелемное, сообщение О.А. Щербакова**).

Ход рыбы обычно бывает около полуночи, ранним утром перед восходом солнца, а иногда ещё под вечер, когда солнце клонится к закату. Только в эти три срока и происходит лов, в другое время доступ к реке запрещён – рыбе необходимо дать покой. Лов общий, в нём участвует всё стойбище.

Обнаружив стадо диких оленей, охотники не уничтожали его целиком, нескольких животных обязательно оставляли в живых. Если в загоне находилось много гусей – одного из них выпускали на волю. На каждого ребёнка и даже младенца, находящегося в колыбели, выпускали по гусю. Последний гусь в загоне становился также вольной птицей [6, с. 81, 88].

Исходя из этих и выше изложенных данных, можно заключить, что охотники всегда деликатны и вежливы к животному миру и всячески выражали своё уважение к животному, даже если вынуждены его умертвить. Эта традиция сохраняется до сих пор и отражает мировоззрение древних пеших охотников на дикого оленя.

Общеизвестно, что окружающий ландшафт непосредственно влиял на этнос и осуществлял связь с природной средой через хозяйственную деятельность [8, с. 186]. Каждый род мог кочевать и охотиться только в пределах определённой территории, называемой *унубэ* – "место хождения". Северный край Восточно-Сибирского моря юкагиры называли *ташулингат пэндибэн* – "место (многократного) возвращения с моря", а южный – *сарут пэндибэн* – "место (многократного) возвращения с леса" [6, с. 66]. Такие названия могли дать лишь кочевники. Запрещалось вторжение на чужую территорию с целью "истребления рыбы, зверей и дичи", что становилось причиной войны между родами и племенами у данного этноса [10, с. 39]. Случаи нарушения этого правила обсуждались стариками обеих сторон. Обычно хозяева забирали оленя, убитого на их территории, себе.

Е.А. Крейнович отметил: "С момента отёла оленей и до августа на диких оленей не охотились". Юкагиры – исконные охотники на диких оленей – относились к их поголовью как рачительные хозяева. Они не мешали им телиться, давали возможность своей будущей добыче окрепнуть [6, с. 77]. Тишина – символ покоя таёжного обитателя. Шорох, треск сучьев, шуршанье гальки, всплеск воды являются "традиционными сигналами грозящей опасности для любого живого существа" [2, с. 88].

В 1921 г. дикие олени из тундры ушли. Исчезновение животных местное население объясняло приходом чукчей с большими стадами домашних оленей. По данным Е.А. Крейновича, огромные стада "истоптали тундру, где обитал дикий олень, в связи с чем он и ушёл из этих мест" [6, с. 68]. Вероятно, поэтому древние пешие охотники на северного оленя, занимаясь оленеводством, держали незначительное количество домашних оленей только для транспортных целей.

Нельзя не отметить, что охотники оберегали чистоту тундры. Обнаружив труп оленя, делили его на части и разбрасывали на съедение птицам и

зверям, оставшиеся кости зарывали в глубокой яме, чтобы падаль не загрязняла землю [6, с. 86].

Важным источником для изучения экологического опыта послужили народные приметы, которые позволили выяснить, как этнос приспосабливался к природным условиям. Мир природы в приметах охотников и рыболовов представлен в непрерывной смене красок, звуков, запахов, движений, вкусовых ощущений, изменениях состояний небесной сферы. Так, если говорят Пон-йулэч (Пон – "Небесное божество", что означает "Нечто абстрактное"), т. е. "Нечто стало тёмным", то это означает, что наступил вечер; Пон-эмидэн, т. е. "Нечто стало чёрным", значит, наступила ночь. Пон-омоч – "Нечто стало хорошим", т. е. наступила хорошая погода; Пон-тибой – "Нечто стало дождливым", т. е. идёт дождь [2, с. 115].

Механизм адаптации человека к природной среде мотивирован приметами и связан с сезонной деятельностью семейного коллектива. Если осенью опадает хвоя лиственницы, рыболовы считали, что скоро рыба начнёт спускаться из верховья реки в море [5, с. 205]. Когда лосось поднимается вверх по реке, то они пропускали часть косяка для метания икры и только после этого окончательно перекрывали реку запрудой [5, с. 219].

Некоторые приметы связаны с гнусом – комарами и мошками. Если комары кусают человека сильнее обычного, значит чувствуют сильный ветер. Если вдруг налетит несметное множество мошки, жди северного ветра. Комары – одна из причин миграций диких оленей, совершающих за год два больших перехода: весной – из тайги и лесотундры к берегам Ледовитого океана, а осенью – обратно, на зимовку, под защиту деревьев [11, с. 10].

Как отметила Л. Н. Жукова: "Многие охотники способны отмечать малейшие изменения в состоянии окружающей среды, перепады атмосферного давления, реакции природной среды на внешние влияния" [2, с. 120]. Охотники заметили, как улетят стаями гуси, лебеди и утки – наступят холода. Первыми улетают журавли, за ними лебеди и гуси. Если журавли низко летят – будет длинная осень, а если лебеди низко пролетают – скоро снег выпадет. С появления красного листа на кустах звери линяют, надо настораживать ловушки. За оленями, уходящими на зимовку в леса, следует волк. В тундре зимуют песец, заяц, горностай, волк да куропатка с соевой и вороной. Согласно представлению юкагиров, сова открыла тёплые страны, однажды вернулась на Север и больше не покидала этот край (**Полевые материалы автора, 2021 г., Магаданская область, с. Нелемное, сообщение О.А. Щербакова**).

Чтобы не стать жертвой стихийных сил природы, охотники и рыболовы научились предугадывать погоду. Тонкие и многочисленные наблюдения за небом позволили точно определить погоду на ближайшее время. Например, сильный ветер – к дождю; круг вокруг солнца или луны – к перемене погоды; ясное и без облаков небо на закате солнца – к хорошей, ясной погоде. Более многочисленные приметы связаны с поведением животных и птиц, у которых проявляются сильно развитые инстинкты: вороны низко летают – к дождю, беспокойный бег белки, писк куропатки, игривость собак – предвещает ненастную погоду. Охотники знали все направления ветров на своей территории во все времена года, выделяя самые сильные из них для определения погоды. Предстоящую погоду предсказывали и по самочувствию человека: нытьё рук и ног или сонное состояние – к непогоде.

Народные приметы арктических аборигенов, связанные с длительным прогнозом, отразили характерные черты климата Северо-Востока Азии и в общей массе менее точны, чем приметы на ближайшие дни: если осенью листья с деревьев опадают рано и сразу – будет тёплая хорошая весна; если листья падают медленно – весна будет холодная и затяжная; если в новолуние рожки луны немного загнуты внутрь и она стоит круто – месяц будет холодный; если рожки луны не загнуты внутрь и она стоит полого – месяц будет тёплый и без ветров; преждевременный перелёт птиц на юг предвещает ранние заморозки (**Полевые материалы автора, 2021 г., Магаданская область, с. Нелемное, сообщение О.А. Щербакова**).

В народных приметах нашла отражение жизнь приполярного охотника, зверолова, оленевода, их необычная наблюдательность, всестороннее знание повадок и образа жизни животных арктической зоны.

Натуральное хозяйство, в условиях которого жили охотники-рыболовы на рубеже XIX и XX вв., имело циклический характер, что обуславливалось главным образом сменой времён года. Тесно связанные с природой, юкагиры издавна вели постоянное тщательное наблюдение за ней и создали свой традиционный сезонно-хозяйственный календарь – своего рода записки натуралистов. Пользоваться таким календарём довольно просто, в нём благодаря длительным наблюдениям отмечены времена года и установлены занятия людей в различные месяцы.

Исследователь конца XIX в. Владимир Ильич Йохельсон записал у верхнеколымских юкагиров названия всех 12 месяцев: 1-й – июль, *пугуд-ордъэ кинидъэ* – "середина летних месяцев"; 2-й – август, *йуку-кучийэ кинидъэ* – "месяц мошки"; 3-й – сентябрь, *анин кинидъэ* – "месяц рыбы". В этот месяц заготавливают рыбу на зиму; 4-й – октябрь, *ончиэн кинидъэ* – "месяц самцов диких оленей". Время охоты на диких оленей; 5-й – ноябрь, *чаха или надэ кинидъэ* – "осенний месяц". Месяц начинается с новолуния; 6-й – декабрь, *йотнэйэдатлэ кинидъэ кинидъэ* – "перед месяцем гор"; 7-й – январь, *йотнэй кинидъэ* – "месяц гор". Этот месяц обозначается первым шейным позвонком человека. Другое название месяца – *чомохартлидъэ кинидъэ* – "месяц большой бабочки", здесь имеется в виду период развития личинок особого вида слепней, откладывающих яйца в шкуре оленя; 8-й – февраль, *йукухартлидъэ кинидъэ* – "месяц маленькой бабочки" – "период развития личинок другого вида слепней в ноздрах оленей". Странное в этих названиях то, что слово *хартлидъэ* означает не "личинки", не "слепень", а "бабочка"; 9-й – март, *шибучиэн кинидъэ*. Вероятно, раньше в этот период года – при переходе от зимы к весне – у юкагиров умещалось два лунных месяца; 10-й – апрель, *чуолэд-омни шиллэ-кинидъэ* – "месяц древних людей шиллэ". *Шиллэ* – "ледяная корка на поверхности снега"; 11-й – май, *полдчэ-кинидъэ* – "месяц листвы"; 12-й – июнь, *кучиэн кинидъэ* – "месяц комаров" [5, с. 84–85].

В.И. Йохельсон также отметил, что под влиянием христианства, юкагиры стали отмечать шесть времён года: 1. *Пугэ* (лето), от святой Акулины (13 июня) до дня Марии (8 сентября); 2. *Надэ* (осень), с 8 сентября до дня святого Михаила (8 ноября); 3. *Чиэдъэ* (зима), с 8 ноября до Очищения (2 февраля); 4. *Порэ* (первая весна), от Очищения до дня святого Егория (23 апреля); 5. *Шиллэ* или *Шинлэ* (вторая весна), с 23 апреля до начала таяния снега, обычно до дня святого Николая (9 мая); 6. *Шондвилэ* (третья весна), от таяния снега до дня святой Акулины [5, с. 86].

Год исчисляли понятием "снег". О ребёнке пятилетнего возраста говорили: "Он вступил в пятый снег". Самый светлый лунный месяц на Севере – декабрь. В декабрьские лунные ночи в тундре отлично видно на расстоянии до одного километра. В это время стоят 40–50 градусные морозы.

Октябрь – время переправы диких оленей через Омолон, оба Анюя и Анадырь. Олени, пересекавшие реки в первой половине июня были тощими после зимовки, и их добывали для прокорма собак, осенью мясо быков оленей заготавливали впрок на зиму. Во время переправы животных принимались строжайшие меры предосторожности: не разрешалось ни стрелять, ни разговаривать, ни разводить огонь для приготовления пищи. Ежедневно высылались разведка и сообразно полученным данным охотники группировались в укрытиях, расположенных вдоль берега. В 1934 г. запрещена добыча оленя "на плаву".

По данным Е.А. Крейновича, юкагиры делили год на периоды: *луку-дајлэмэн* – "время короткого (дословно маленького) дня", соответствовавшее декабрю, январю и февралю [6, с. 68]; *элин пугудэмэн* – "первое время потепления", т. е. начало весны, совпадающее примерно с мартом [6, с. 75]; *пугудэмэн* – "время потепления", совпадающее примерно с апрелем. В это время юкагиры оставляли зимнюю стоянку и начинали медленное продвижение на север в тундру (иногда этот период начинался с конца марта, если погода была тёплой) [6, с. 76]; *туонгајмэн* – "время отёла оленей", совпадающее примерно с маем. В это время кочевники выходили на край леса, откуда начинается тундра. Снег в эту пору начинал таять [6, с. 77]; *сабундилэмэн* – "начало лета", соответствующее примерно июню. В эту пору окончательно сходит снег, текут потоки воды, появляется первая зелень (с. 79); *лэшэјмэн* – "середина лета" [6, с. 79]; *элин комдэмэн* – "начало осени", соответствующее примерно

концу августа (с.87); *комдэмэн* – "время осени", соответствовавшее сентябрю и октябрю. В это время начиналось движение кочевников с севера на юг – от моря к лесу [6, с. 87]; *лашјэмэн* – "время замерзания воды", т. е. рек, озёр, совпадающее примерно с ноябрём. Снег в это время полностью покрывал тундру. Расставшись со своими стоянками, юкагиры постепенно продвигались на юг, к месту своей предстоящей зимовки. В пути на остановках для ориентира ставили маленькие зимние чумы [6, с. 91].

Итак, юкагиры создали самобытный календарь о смене времён года (зима, весна, лето, осень), разделив его на сезоны, от которых непосредственно зависели условия их жизни и хозяйственный уклад. В основе наблюдений лежало движение Земли вокруг Солнца (годовой цикл – зима, весна, лето, осень) и движение Луны вокруг Земли (лунные месяцы), что и нашло конкретное отражение в положительных народных знаниях и языке этноса.

Таким образом, в народной экологической этике охотников-рыболовов Арктики выделяются два пласта – рациональный и иллюзорный. Хозяйственная деятельность не стала причиной пагубных последствий антропогенного воздействия на природу, соблюдался главный принцип бережного отношения к ней. Пешие охотники на дикого оленя и поныне сохранили присущие только им социальные, культурные, экономические признаки, резко отличающие от других национальных групп, сегодня они ориентируются на традиционный уклад жизни, традиционное природопользование и промыслы. Юкагиры обладают самобытной древнейшей культурой, вся их жизнь исторически ориентирована на тесную связь со средой обитания. Психологические особенности данного этноса делают проблематичной полную адаптацию к жизни в условиях урбанистической культуры. За аборигенами остаётся право выбора пути развития территории проживания и традиционного природопользования.

Литература

1. Гурвич И.С. Этническая история Северо-Востока Сибири. М.: Наука, 1966 г. 244 с.
2. Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Новосибирск: Наука. Ч. 3, 2013. 232 с.
3. Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Мифологическая модель мира Новосибирск: Наука. Ч. 2, 2012. 360 с.
4. Жукова Л.Н. Очерки по юкагирской культуре. Одежда юкагиrow: генезис и семантика. Новосибирск: Наука. Ч. 1, 2009. 152 с.
5. Иохельсон В.И. Юкагиры и юкагиризированные тунгусы / перевод с англ. В.Х. Иванова, З.И. Ивановой-Унаровой. Новосибирск: Наука, 2005. 675 с.
6. Крейнович Е.А. Из жизни тундровых юкагиrow на рубеже XIX и XX вв. // Страны и народы Востока. М.: Наука, 1972. Вып. 13. Кн. 2. С. 56–92.
7. Крейнович Е.А. Юкагирский язык. М.; Л.: Изд-во АН СССР, 1958. 285 с.
8. Крупник И.И. Арктическая этноэкология. Модели традиционного природопользования морских охотников и оленеводов Северной Евразии. М.: Наука, 1989. 270 с.
9. Симченко Ю.Б. Культура охотников на оленей Северной Евразии. Этнографическая реконструкция. М.: Наука, 1976. 311 с.
10. Спиридонов Н.И. Одулы (юкагиры) Колымского округа. Якутск: Северовед, 1996. 80 с.
11. Туголуков В.А. Кто вы, юкагиры? М.: Наука, 1979. 152 с.
12. Филиппова В.В., Сулейманов А.А., Шадрин В.И., Астахова И.С., Григорьев С.А. Пространство жизнедеятельности "исчезающего" этноса: юкагиры Якутии в XX–XXI вв. / отв. ред. С.И. Боякова. Владивосток: Дальнаука, 2020. 324 с.
13. Юкагиры (историко-этнографический очерк) / отв. ред. акад. А.П. Окладников. Новосибирск: Наука, 1975. 244 с.
14. Podmaskin V.V. Ecological Traditions in the Culture of the Peoples of the Far East of Russia // Bridges of the Science between North America and the Russian Far East: Proceedings of the 45th Arctic Science Conference 25–27 August, 1994, Anchorage, Alaska 29 August–2 September, 1994, Vladivostok, Russia. Anchorage; Vladivostok, 1994. P. 268–272.

References

1. Gurchich I.S. Ethnic history of the North-East of Siberia. M.: Nauka, 1966. 244 p. (In Russ).
2. Zhukova L.N. Essays on the Yukagir culture. Novosibirsk: Science. Ch. 3, 2013. 232 p. (In Russ).

3. Zhukova L.N. Essays on the Yukagir culture. Mythological model of the world Novosibirsk: Nauka. Part 2, 2012. 360 p. (In Russ).
4. Zhukova L.N. Essays on the Yukagir culture. Yukaghir clothing: genesis and semantics. Novosibirsk: Science. Part 1, 2009. 152 p. (In Russ).
5. Yokhelson V.I. Yukagirs and Yukagirized Tunguses / translation from English. V.Kh. Ivanova, Z.I. Ivanova-Unarova. Novosibirsk: Nauka, 2005. 675 p. (In Russ).
6. Kreinovich E.A. From the life of the tundra Yukagirs at the turn of the 19th and 20th centuries. // Countries and peoples of the East. M.: Nauka, 1972. Issue. 13. Book. 2. P. 56–92. (In Russ).
7. Kreinovich E.A. Yukaghir language. M.; L.: Publishing House of the Academy of Sciences of the USSR, 1958. 285 p. (In Russ).
8. Krupnik I.I. Arctic ethnoecology. Models of traditional nature management of sea hunters and reindeer breeders of Northern Eurasia. M.: Nauka, 1989. 270 p. (In Russ).
9. Simchenko Yu.B. Culture of deer hunters in Northern Eurasia. Ethnographic reconstruction. M.: Nauka, 1976. 311 p. (In Russ).
10. Spiridonov N.I. Oduls (Yukaghirs) of the Kolyma District. Yakutsk: Severoved, 1996. 80 p. (In Russ).
11. Tugolukov V.A. Who are you, Yukagirs? M.: Nauka, 1979. 152 p. (In Russ.).
12. Filippova V.V., Suleimanov A.A., Shadrin V.I., Astakhova I.S., Grigoriev S.A. The space of life of the "disappearing" ethnic group: the Yukaghirs of Yakutia in the XX-XXI centuries. / resp. ed. S.I. Boyakov. Vladivostok: Dalnauka, 2020. 324 p. (In Russ).
13. Yukagirs (historical and ethnographic essay) / otv. ed. acad. A.P. Okladnikov. Novosibirsk: Nauka, 1975. 244 p. (In Russ).
14. Podmaskin V.V. Ecological Traditions in the Culture of the Peoples of the Far East of Russia // Bridges of the Science between North America and the Russian Far East: Proceedings of the 45th Arctic Science Conference 25–27 August, 1994, Anchorage, Alaska 29 August–2 September, 1994, Vladivostok, Russia. Anchorage; Vladivostok, 1994, P. 268–272.

Информация об авторе

Владимир Викторович Подмаскин, д-р ист. наук, главный научный сотрудник Института истории, археологии и этнографии народов Дальнего Востока ДВО РАН, Владивосток, Россия, e-mail: podmaskin@yandex.ru

Information about the author

Vladimir V. Podmaskin, Doctor of Historical Sciences, Chief Researcher, Institute of History, Archeology and Ethnography of the Peoples of the Far East, Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russia, e-mail: podmaskin@yandex.ru

Поступила в редакцию 28.04.2023

Одобрена после рецензирования 02.11.2023

Принята к публикации 23.11.2023

Received 28.04.2023

Approved 02.11.2023

Accepted 23.11.2023